

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.11.75.034

Право на особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: история и современность

Гоглева Ксения Юрьевна

Адъюнкт,

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, 1;
e-mail: goglevakseniya@gmail.com

Аннотация

Предлагаемая читателю статья посвящена возникновению и анализу динамики развития права судьи Конституционного Суда Российской Федерации на особое мнение. Автор доказывает, что институт особого мнения – неотъемлемый элемент современного правового, демократического общества, формирующий доверие граждан к судебной системе в целом и конституционному правосудию в частности. На основании анализа нормативной литературы, в том числе и зарубежной, а также существующих точек зрения ученых-конституционалистов, автор производит вывод о некоторой полемичности мнений по исследуемому вопросу как в профессиональной среде, так и среди представителей гражданского общества, что, соответственно, негативно сказывается на авторитете Конституционного Суда. Отдельное внимание уделено истории возникновения и развития института особого мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации, а также анализу изменений в его правовой регламентации в свете значительных изменений институциональных основ деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в свете поправок к Конституции РФ 2020 года.

Для цитирования в научных исследованиях

Гоглева К.Ю. Право на особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: история и современность // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 12А. С. 74-80. DOI: 10.34670/AR.2022.11.75.034

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, судебная система, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционные поправки 2020 года, конституционное право.

«Тот, кому есть, что сказать, предпочитает молчать»

Пабло Эскобар

Введение

Современная судебная система Российской Федерации определяется рядом конституционно-правовых принципов, особое место в которых принадлежит открытости, гласности, публичности и транспарентности. Образуя имманентную связь с принципами справедливости, независимости и объективности судей они предопределяют доверие граждан к данной ветви власти, призванной быть максимально доступной для демократического общества [Бангалорские принципы поведения судей..., www].

Независимость и объективность судей – безусловные эмерджентные свойства института конституционного правосудия. Именно такой подход корреспондирует международным стандартам и рекомендациям в сфере правосудия, сформулированным во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах, устанавливающих, что каждый человек имеет право на рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом; а также Бангалорским принципам поведения судей, одобренных резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года.

Имплементация данных международных норм в национальное законодательство Российской Федерации произведена в статьях 5 и 29 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1 - ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации, содержание которого претерпело значительные изменения в ноябре 2020 года.

В числе прочих был фактически ликвидирован и институт публичных особых мнений и мнений судей Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту «особые мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации»), ввиду запрета на их официальное опубликование, что вызвало большой общественный резонанс и неоднозначную оценку как в среде профессиональных экспертов, так и представителей гражданского общества [Климачева, Малаховский, www]. Так как право высказывать свое мнение является фундаментальным правом в демократическом обществе и принадлежит любым участникам общественных дискуссий и публичных дебатов. В том числе и судьям Конституционного Суда Российской Федерации, особое мнение которых является отражением демократической сущности принятия коллективных решений и неотъемлемым элементом правового статуса судьи, его свободой, уровень которой обладает беспрекословной правовой защитой и не должен подлежать умалению.

Если решение суда – это текст, то особое мнение судьи – это его голос, «живая речь», в которой изложены правовые идеи, воззрения, адресованные непосредственно народу и обществу. Более того, это отражение дискуссии судей, состоявшейся во время обсуждения дела, по сути само ее подтверждение. Так как в Российской Федерации, как и во многих других странах, тайна совещательной комнаты и содержание речей, в ней произнесенных, защищены законом. Все обсуждения абсолютно открыты и доступны общественности только, пожалуй, в Швейцарии, где данного законодательного запрета не существует, что является отражением принципиального следования данного государства принципу: «Недостаточно просто осуществлять правосудие, нужно делать это открыто для общества», закрепленному п. 3.2 Бангалорских правил поведения судей.

Основная часть

Каждое особое мнение – это не только изложение позиции судьи Конституционного Суда Российской Федерации, оценивающее обоснованность вынесения судом того или иного решения, это, в определенном смысле, прямое отражение философии права, подкрепленное и построенное на глубочайшем анализе конституциональных основ, уже закрепленных в Конституции России, и еще только возникающих в процессе совершенствования механизма защиты прав человека и гражданина. Ибо Конституционные суды «не имеют ни оружия, ни солдат» и должны опираться исключительно на силу принципов, которые провозглашают [Барри, 1993, 89].

Сложно переоценить и влияние института особых мнений на формирование нынешнего и будущего поколения юристов, которые приобретали бесценный опыт в риторике и высокопрофессиональной аргументации своего компетентного мнения, традиционно изучая их по трудам (опубликованные особые мнения судей Конституционного Суда, безусловно, ими и являются) выдающихся старших коллег. Ведь собственный опыт и знания судей, излагаемые, в том числе и посредством формулирования и публикации особого мнения, являются неотъемлемым элементом юридической практики и входят в перечень средств доказывания, используемых, в том числе, и самим Конституционным судом Российской Федерации в процессе установления истины по делу [Востриков, 2010, 70].

Говоря об истории института особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации, следует отметить, что существует он в Российской правовой системе достаточно давно, а именно со времен функционирования Комитета конституционного надзора СССР, являющегося «предтечей» нынешнего органа конституционной юстиции [Митюков, 2005, 3]. Так, в ч.3 ст.18 Закона СССР от 23.12.1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» предусматривалось право членов Комитета изложить собственное особое мнение в письменной форме, которое приобщалось к заключению по делу.

«Укоренилась» это право и в Законе РСФСР от 12.07.1991 №1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР», гарантировавшем судьям как само право письменного изложения особого мнения, так и его официальное опубликование в качестве приложения к постановлению или заключению Суда (ст. 45).

Конституционной реформой 1993 года регулирование данного вопроса было несколько изменено. В частности, на нормативном уровне была произведена градация содержания понятий «особого мнения» и «мнения» судьи Конституционного Суда», получивших и разную степень публичности (ст. 76 Федерального конституционного закона РФ от 21.07.1994 № 1 – ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Особое мнение, выражавшее несогласие судьи с коллегиальным решением, подлежало опубликованию «вместе с решением Конституционного Суда». Мнение же, касавшееся иных вопросов, публиковалось исключительно в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации» и в официальных источниках публикации решения высшего органа конституционной юстиции не фигурировало.

Таким образом, представляется вполне состоятельным вывод о том, что уже на этапе зарождения основ современного конституционализма, вопрос целесообразности публикации особого мнения судей стоял перед законодателем достаточно полемично. Подтверждается это и воспоминаниями судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева, непосредственно участвовавшего в разработке проекта вышеуказанного нормативного акта, указывающего на наличие непримиримой дискуссии по поводу возможной опасности использования

индивидуализированных правовых позиций судей в политических целях, в том числе и средствами массовой информации [Гаджиев, 2005].

Судя по всему, это и предопределило факт внесения в 2001 году поправки в ст.76 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ограничившей возможность опубликования особого мнения лишь страницами Вестника Конституционного Суда Российской Федерации, логика принятия которой весьма схожа с той, которая изложена инициаторами разработки и последующего принятия поправки 2020 года: «Это нужно для избегания политизации конституционного [судебного] процесса. И это единственное, для чего это нужно» [Морщакова, 2004, 170].

Хотя последнее весьма дискуссионно, так как суды и пресса представляют собой институты социального контроля, следовательно, обладающие не столько антагонистическими, сколько общими целями [Поправки в Закон о Конституционном Суде..., www]. Человек, обращаясь за защитой и восстановлением своих нарушенных прав в суд, должен иметь возможность одновременного обращения и к «форуму общественности». То есть он вполне справедливо рассчитывает на публичность, гласность и открытость всего процесса правосудия, включая момент постановления решения и его максимально подробного изложения.

В свете же последних изменений участники процесса данной возможности лишены ввиду не только запрета на обнародование особого мнения судьи Конституционного Суда РФ (ч.3 и 4 ст. 76 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), но и изъятия последнего из материалов протокола слушания Конституционного Суда при предоставлении его для ознакомления сторонам и иным участникам процесса [Никифоров, 2017, 23].

Излагая точку зрения сторонников восстановления права на публикацию особого мнения, представляется необходимым изложить и оппозиционные доводы, тем более что, как ни парадоксально это звучит, базируются они на одном и том же основании – на апеллировании к авторитету суда. Первые говорят о его укреплении путем расширения открытости конституционного правосудия, вторые, напротив, ссылаются на недопустимость официального признания разногласий судей, отсутствия единства в постановлении решения, некой двойственности его толкования, ввиду угрозы подрыва авторитетности Конституционного Суда и, как следствие, сомнительного исполнения его решений со стороны граждан.

Ведь с помощью «пехотной информации» (термин С.А. Авакьяна) всегда можно как увеличить, так или сократить количество сторонников любого решения.

Второй довод состоит в обращении к зарубежной практике регулирования института особого мнения: «...могу просто привести примеры стран, где особое мнение не публикуется. Австрия, Бельгия, Италия, Люксембург, Франция. В Ирландии прямо в самой Конституции написано, что этого делать ни в коем случае нельзя» [Крашенинников объяснил..., www].

В то же время Венецианская комиссия Совета Европы и Консультативный совет европейских судей, признавая право государств на собственное решение признания или отрицания института особого мнения судей, достаточно категорично формулируют в своих постановлениях позицию об обязательности публикации особого мнения судьи с решением по делу, если государство – участник имплементировало его в свою национальную правовую систему.

Конституционное правосудие – это нечто большее, чем опрос общественного мнения. Ведь несмотря на то, что «судье, как и любому гражданину, гарантируется свобода выражения», «постоянное внимание со стороны общественности налагает на судью обязанность принять на себя ряд ограничений» (п. 4.2, 4.6). Законодательно закрепленный в настоящее время запрет на

публикацию особого мнения, а также какие-либо публичные комментарии относительно выносимых решений и содержания своей служебной деятельности, по отношению к судьям Конституционного Суда Российской Федерации, как раз и выступает такого рода «добровольно принимаемым ограничением».

Однако следует помнить, что никакой законодатель не в силах изменить правовое мышление и восприятие судьи, прямым отражением которых и является его особое мнение.

Ведь как писал А.В. Кононов: «...выражать и отстаивать свое мнение – это эмоционально и психологически тяжелая миссия, всегда серьезный внутренний конфликт. Весьма трудно пересилить сомнения и избежать влияния авторитетов, оставшись в меньшинстве среди своих коллег – судей, каждый из которых по определению специалист высочайшей квалификации. Особое мнение – это, конечно, крайний вариант позиции судьи, когда цена решения заведомо высока, когда внутренний компромисс невозможен, а убежденность в судебной ошибке максимальна» [Кононов, 2006, 134].

Заключение

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что лишь время покажет, станет ли запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда тем самым «яблоком раздора», которое приведет конституционное правосудие к полномасштабным и плачевным последствиям для его состоятельности и убедительности, к эпохе «молчаливого судьи» [Морщакова, 2004, 24] или, напротив, укрепит его позиции в доверии между обществом и государством.

Библиография

1. Бангалорские принципы поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml
2. Барри Д. Конституционный Суд России глазами американского юриста // Государство и право. 1993. № 12. С. 89.
3. Востриков П.П. Правовые основы конституционного контроля. Нижний Новгород, 2010. 196 с.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).
5. Гаджиев Г.А. Публикация особого мнения судьи, или история нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Конституционные права и свободы человека и гражданина как высшая ценность демократического, правового государства. Тирасполь, 2005. С. 33-39.
6. Доклад Венецианской Комиссии Совета Европы «Об особых мнениях судей Конституционных Судов» на 117 Пленарном заседании. Венеция.
7. Заключение № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» от 18 декабря 2008 г.
8. Климачева К., Малаховский А. Конституция, банкротство и пандемия: о чем спорили юристы в Facebook. URL: <https://pravo.ru/story/228690/>
9. Кононов А.Л. Право на особое мнение // Закон. 2006. № 11. С. 134.
10. Крашенинников объяснил, зачем нужен запрет публикации особых мнений судей КС. URL: <https://www.interfax.ru/russia/732513>
11. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года).
12. Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924-1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М.: Формула права, 2005. 208 с.
13. Морщакова Т.В. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М., 2004. 264 с.
14. Никифоров М.В. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации как подзаконный нормативный правовой акт // Юрист. 2017. № 21. С. 22-25.
15. Поправки в Закон о Конституционном Суде дополнили запретом публикации особых мнений судей. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/>

16. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021).

Right to a dissenting opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: history and present

Kseniya Yu. Gogleva

Adjunct,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: goglevakseniya@gmail.com

Abstract

The article offered to the reader deals with the emergence and analysis of the dynamics of development of the right of a judge of the Russian Constitutional Court to a dissenting opinion. The author of the paper proves that the institution of a dissenting opinion is an integral element of a modern legal, democratic society, which forms the trust of citizens in the judicial system in general and constitutional justice in particular. Based on the analysis of normative literature, including foreign ones, as well as the existing points of view of scientists-constitutionalists, the author concludes that there is some polemic of opinions on the issue under study both in the professional environment and among representatives of civil society, which negatively affects authority of the Constitutional Court. Special attention is paid to the history of the emergence and development of the institute of dissenting opinion of judges of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the analysis of changes in its legal regulation in the light of significant changes in the institutional framework for the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020.

For citation

Gogleva K.Yu. (2021) Pravo na osoboe mnenie sud'i Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: istoriya i sovremennost' [Right to a dissenting opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: history and present]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (12A), pp. 74-80. DOI: 10.34670/AR.2022.11.75.034

Keywords

Constitution of the Russian Federation, judicial system, Constitutional amendments 2020, Constitutional Court of the Russian Federation, dissenting opinion of the judge, constitutional law.

References

1. Bangalorskie printsipy povedeniya sudei (odobreny rezolyutsiei Ekonomicheskogo i Sotsial'nogo Soveta OON 2006/23 ot 27 iyulya 2006 goda) [Bangalore Principles of Judicial Conduct (approved by UN Economic and Social Council resolution 2006/23 of 27 July 2006)]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml [Accessed 12/12/2021]

2. Barry D. (1993) Konstitutsionnyi Sud Rossii glazami amerikanskogo yurista [The Constitutional Court of Russia through the eyes of an American lawyer]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], 12, p. 89.
3. Doklad Venetsianskoi Komissii Soveta Evropy «Ob osobykh mneniyakh sudei Konstitutsionnykh Sudov» na 117 Plenarnom zasedanii. Venetsiya [Report of the Venice Commission of the Council of Europe “On dissenting opinions of the judges of the Constitutional Courts” at the 117th Plenary session. Venice].
4. Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii» (v red. ot 01.07.2021) [Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ “On the Constitutional Court of the Russian Federation” (as amended on July 1, 2021)].
5. Gadzhiev G.A. (2005) Publikatsiya osobogo mneniya sud'i, ili istoriya normy, kotoraya yavlyaetsya kamertonom sudebnoi reformy v Rossii [Publication of a dissenting opinion of a judge, or the history of the norm, which is the tuning fork of judicial reform in Russia]. In: Konstitutsionnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak vysshaya tsennost' demokraticeskogo, pravovogo gosudarstva [Constitutional rights and freedoms of man and citizen as the highest value of a democratic, rule of law state]. Tiraspol.
6. Klimacheva K., Malakhovskii A. Konstitutsiya, bankrotstvo i pandemiya: o chem sporili yuristy v Facebook [Constitution, bankruptcy and pandemic: what lawyers argued about on Facebook]. Available at: <https://pravo.ru/story/228690/> [Accessed 12/12/2021]
7. Kononov A.L. (2006) Pravo na osoboe mnenie [The right to a dissenting opinion]. Zakon [Law], 11, p. 134.
8. Krashennnikov ob "yasnil, zachem nuzhen zapret publikatsii osobykh mnenii sudei KS [Krashennnikov explained why a ban on the publication of dissenting opinions of Constitutional Court judges is needed]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/732513> [Accessed 12/12/2021]
9. Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (prinyat rezolyutsiei 2200 A (XXI) General'noi Assamblei OON ot 16 dekabrya 1966 goda) [International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by resolution 2200 A (XXI) of the UN General Assembly on December 16, 1966)].
10. Mityukov M.A. (2005) Sudebnyi konstitutsionnyi nadzor 1924-1933 gg.: voprosy istorii, teorii i praktiki [Judicial constitutional supervision 1924-1933: questions of history, theory and practice]. Moscow: Formula prava Publ.
11. Morshchakova T.V. (2004) Rossiiskoe pravosudie v kontekste sudebnoi reformy [Russian justice in the context of judicial reform]. Moscow.
12. Nikiforov M.V. (2017) Reglament Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii kak podzakonnyi normativnyi pravovoi akt [Rules of the Constitutional Court of the Russian Federation as a by-law normative legal act]. Yurist [Lawyer], 21, pp. 22-25.
13. Popravki v Zakon o Konstitutsionnom Sude dopolnili zapretom publikatsii osobykh mnenii sudei [Amendments to the Law on the Constitutional Court were supplemented by a ban on the publication of dissenting opinions of judges]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/> [Accessed 12/12/2021]
14. Vostrikov P.P. (2010) Pravovye osnovy konstitutsionnogo kontrolya [Legal bases of the constitutional control]. Nizhniy Novgorod.
15. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noi Assambleei OON 10 dekabrya 1948 g.) [Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948)].
16. Zaklyuchenie № 11 Konsul'tativnogo soveta evropeiskikh sudei «O kachestve sudebnykh reshenii» ot 18 dekabrya 2008 g. [Opinion No. 11 of the Consultative Council of European Judges on the Quality of Court Decisions of 18 December 2008].